

Причуды антиматерии

Прокофьев умер в один день со Сталиным. Полувековую годовщину сталинской кончины отметили объемно и содержательно. Имя Прокофьева снова съехало с параллели, и его почти не вспоминали. Лишь дирижер Геннадий Рождественский дал два размашистых концерта памяти величайшего композитора.

Надо отдать должное, 5 марта телеканал «Культура» показал достойный новый документальный фильм «Гении. Сергей Прокофьев» по идее Андрея Кончаловского. Почти часовой, но лаконичный, как жизнь, пролетающая в сознании перед самой смертью. Что с женами — так и непонятно. Одна, иностранка, все бросившая ради Прокофьева, в России была репрессирована. Вторая в это время прекрасно себя чувствовала рядом с любимым человеком, уже государственно-признанным выдающимся композитором. Двоеженство Прокофьева (именно это слово и прозвучало в фильме) можно объяснить только посылом великих художников, который можно сформулировать так: «Отстаньте все, а то сейчас забуду, что хотел написать!»

У Геннадия Рождественского с женой, пианисткой Викторией Постниковой, альянс безукоризненный. В два вечера, прямо скажем, неординарная пара исполнила все пять фортепианных Концертов Прокофьева. Стоило бы попенять публике, что партер был неполон, первый амфитеатр жидок, а второй вообще закрыт. Причины можно найти три. Первая: оба концерта крутились вокруг даты 8 Марта. Вторая: Геннадий Николаевич иногда неожиданно отменяет концерты. Третья: не всякий высидит целый вечер Прокофьева.

Иногда он до сих пор кажется таким авангардным, точно сочинение написано вчера, а сидишь на премьере. Энергия его хорошо работает именно сейчас, когда на переломе веков явный ее недостаток. Сталь и

Последние хранители прокофьевской стили

железо Прокофьева, невероятные скачки по клавиатуре, изобретательные пассажи в свое время (еще до революции) так ошеломляли современников, что кто-то потребовал тогда надеть на композитора смиренную рубашу. А непревзойденный Первый концерт назвали «музыкальной грязью» и упрекнули в «футбольности».

Между тем эффектность и внешний блеск всех пяти Концертов, преподнесенные нам Викторией Постниковой, не портились не только никакой грязью, но и заставили подумать, что у этих сочинений все еще впереди. Какие саркастические есть эпизоды и как глубоки лирические (уж простим автору его двоеженство)!

По меткому выражению Леонида Гаккеля, Прокофьев сформировался в «профессионально-изолированной артистической среде» начала XX века и, кажется, был довольно уверен в своем деле. Плотность музыкальных идей у него такова, что, удивляясь необразованности рок-музыкантов, можно взять практически любой такт — и развернуть его в эффектнейшую композицию. Есть что-то в том, что сам Про-

кофьев нахально называл, например, Дебюсси «водянистым»! Вообще за словом в карман не лез. Однажды сказал Улановой, не слишком комфортно ощущавшей себя под музыку балета «Ромео и Джульетта»: «Вам нужны барабаны, а не музыка!»...

Рождественский — единственный, кто держит у нас подлинно прокофьевский стиль. То, что опера «Игрок», жертва закулисных интриг и невыдержанности самого Маэстро, практически не идет в Большом театре в его дирижерской интерпретации, — преступление; надо бы подправить спектакль режиссерски — и это будет наша ценная марка.

Пытаясь представить себе все-таки, что такое антиматерия, думаешь, что, возможно, Сталин был материей, а Прокофьев, умерший с ним чуть не в один час, — вот тем самым, непостижимым, что и сам Гордон, поддакивая физикам, не понимает. Звук рукой никак не схватишь. А он тебе за два вечера всю душу повыворачивал — то так, то эдак. Причудами антиматерии.

НАТАЛЬЯ ЗИМЯНИНА

Время МК. — 2003 — 15 марта — с. 7.